

СТАНИСЛАВ
БАХИТОВ

КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ
ОТЧУЖДЕНИЕ ТРУДА
И КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ

Станислав Бахитов

**Капиталистическое
отчуждение труда и кризис
современной цивилизации**

«Алетейя»

2018

УДК 330.8
ББК 65.02

Бахитов С. Б.

Капиталистическое отчуждение труда и кризис современной
цивилизации / С. Б. Бахитов — «Алетейя», 2018

ISBN 978-5-907030-21-3

В монографии исследуются эволюция капиталистического отчуждения труда в течение последних ста лет, возникновение новых форм отчуждения, влияние растущего отчуждения на развитие образования, науки, культуры, личности. Исследование основывается на материалах философских, социологических и исторических работ.

УДК 330.8
ББК 65.02

ISBN 978-5-907030-21-3

© Бахитов С. Б., 2018
© Алетейя, 2018

Содержание

Введение	6
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Станислав Бахитов
Капиталистическое отчуждение труда
и кризис современной цивилизации

© С. Б. Бахитов, 2018

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

Введение

Призрак бродит по миру, призрак коммунизма. В последнее время все более явно, что прав скорее Аврелий Августин, чем Ф. Фукуяма: современный глобальный капитализм явно не является Градом Божьим или концом истории, да и понять, что же есть конец истории, нам не дано то ли в силу врожденной глупости, то ли в силу приобретенной порочности. В России ко всему прочему на 2017 год приходится юбилей Октябрьской революции. Но если мы обратимся к современным отечественным СМИ, то сразу выяснится, что никаких уроков из нее наша медийная элита не извлекла и извлекать не хочет. В основном преобладают две мысли, обе весьма сомнительные и с точки зрения логики, и с точки зрения историзма: в России было слишком много революций, и больше их не будет, Россия уже раз пережила коммунизм, и возврата к нему нет. Но разве коммунизм – это грипп? А ведь даже прививка от гриппа не гарантирует, что вы не заболеете. Коммунизм – это новый способ производства, и он идет на смену старому, когда последний не может более гарантировать развития, а часто – и самого выживания общества.

При этом ощущение страха в современных СМИ присутствует. Цивилизация глобального капитализма все более трещит по швам. Не видеть этого может только слепой. Но как обстоит дело с новыми идеями? Современный отечественный телеведущий В. Р. Соловьев, называющий себя консервативным революционером, борющимся за возрождение авраамических ценностей, пишет: «У нас, если посмотреть, нет альтернативных идей, которые смогли бы захватить существенную часть населения, – ни в экономике, ни в других сферах. Есть живущая в подсознании коммунистическая модель, сводящаяся к тому, чтобы взять и поделить, есть уже существующая модель – и все» [111, 201]. Но когда это коммунисты захватывали собственность, чтобы ее поделить? Этим занимались голодные крестьяне в 1917 году да заевшиеся представители антикоммунистической номенклатуры в начале 1990-х, делившие общественную собственность между своими. Вообще идея захватить и поделить – чисто буржуазная идея, характерная как раз для идейных борцов за денежные знаки, от литературного Остапа Бендера до вполне реальных Е. Гайдара, А. Чубайса, Б. Ельцина и т. д. Коммунисты же обычно брали и объединяли, для спасения трудящихся, решения каких-либо глобальных политических задач и в надежде на синергетический эффект: промышленные и кустарные предприятия под началом ГЛАВКов в годы Гражданской войны, крупную и среднюю промышленность в рамках трестов в период нэпа, крестьян в колхозах и совхозах во время ускоренной индустриализации и т. д.

При этом сам В. Р. Соловьев, будучи человеком неглупым, прекрасно чувствует неблагоприятное современную цивилизации, связанное с ростом социального расслоения, распространением ощущения собственной никчемности и ненужности среди многих миллионов людей, девальвацией нравственных ценностей под прессом капитализма. С одной стороны, усиливается геополитическое расслоение в рамках современной капиталистической миросистемы: «Все определяется тем, где ты родился. Если ты родился в зажиточной Швейцарии – все, жизнь удалась. А если где-нибудь в Африке? И куда тебе деваться? При этом никакой твоей вины нет, просто ты родился не в том месте, ничего личного, до свидания» [111, 141]. С другой стороны, взрывное развитие новых технологий усиливает социальное расслоение везде: «Суть продолжения существования человека – вот эта особая форма мыслительной деятельности, фантазия, которая порождает все вокруг. И новое качество жизни должно будет привести к тому, что только творчество станет определяющим. Получается, что человечество будет разделено на новые категории, и социальные формы не успевают за этим новым, все явственней зарождающимся разделением труда» [111, 42].

Тут опять какая-то путаница, так как именно общественное разделение труда лежит в основе формирования новых социальных форм. Растущее социальное расслоение – это не

результат просто технологической революции, а результат технологической революции в условиях современного капитализма. Французский марксист Д. Бенсаид пишет: «Если существуют имущие, должны существовать и обездоленные; если существуют господствующие, должны быть и те, кем правят; буржуа-буржуи и пролетарии. И они в самом деле существуют в современном мире – в большей степени, чем когда бы то ни было. Проблема заключается, однако, в их разделении, в индивидуализации, которая является не стремлением к большей свободе и большей индивидуальной автономии, а политикой принудительной индивидуализации (расписаний, графиков, досуга, страхования)» [10, 44]. И что такое творчество? Оно многолико. Почему не может быть творческого столяра, виноградаря, учителя? И почему из различных видов творчества мы должны придавать значение только тем, что приносят ныне большое количество денежных знаков? В том и заключается сущность коммунизма, что он признает право на творчество за каждым.

Наконец, особое беспокойство вызывает у В. Р. Соловьева всеобщее обесценение моральных норм под влиянием рыночной экономики: «Тебе говорят, что ты должен быть современным человеком. А современный человек – это совсем не тот, который живет по библейским ценностям. Он руководствуется каким-то новым кодексом, где в центре, как мы уже говорили, находится его эгоизм и его сиюминутные личные желания, которые прекрасно продаются и коммерциализируются, давая возможность – и заставляя – потреблять и потреблять» [111, 171]. Здесь опять, конечно, можно увидеть явные нестыковки с историческим и историко-философским материалом. С одной стороны, религиозная вера может так же служить для оправдания порока, как и для его преодоления, с другой – разве на основе атеизма нельзя построить новую этику любви, как это делал, например, Л. Фейербах?

Но главное тут В. Р. Соловьев уловил – монетизация общественных отношений в условия рыночного общества потребления неизбежно ведет к деградации морали: «Все время требуется открытие нового уровня пороков – с библейской точки зрения, конечно, потому, что иначе понятия порока просто нет, это исключительно религиозная категория. И дальше складывается любопытная ситуация. Тебе говорят, что, допустим, гомосексуализм – это нормально. И ты уже вроде как с этим согласился, чисто в силу привычки. Но есть и другой рынок! Теперь это рынок педофилии» [111, 189]. При этом элита ведущей страны капиталистической мир-системы – Соединенных Штатов Америки, отчасти сама себя избравшая, отчасти избранная крупнейшими мировыми финансовыми центрами на роль всемирного полицейского и великого учителя жизни [111, 17], сама активно занимается разрушением моральных и дипломатических норм по всему миру: «В условиях, когда законы против геев приняты почти в 80 странах, Байден и другие высокопоставленные представители Белого дома провели ряд встреч с религиозными деятелями, правозащитниками и специалистами по работе с ВИЧ-инфицированными, которые собрались на форум, посвященный защите сексуальных меньшинств во всем мире» [111, 18].

В России, по мнению В. Р. Соловьева, ситуация также достаточно тревожная, социальное расслоение (в том числе географическое) нарастает: «Посмотрите: в России школьное образование, как и медицина, зависит от регионального бюджета. Это значит, что человек, родившийся в глуши, имеет меньше шансов получить качественное образование, чем тот, кто родился и живет в богатом регионе. А если учесть, что система социальных лифтов работает из рук вон плохо, а богатые давно осознали прелесть качественного образования и отдают своих детей в бесспорно элитарные школы, где образование стоит очень дорого, получается, что мы сами, своими руками создаем у себя в стране кастовое общество» [111, 46].

Общая тенденция развития того же образования тоже не радует: «...уйдя от тоталитарного государства к псевдодемократическому, мы ушли от школы творческой к школе-угадайке, где творчество вообще не играет никакой роли, а вся задача сводится к тому, чтобы знать правильный набор ответов или хотя бы суметь угадать его» [111, 44–45]. В результате в среде обде-

ленных распространяются различные деструктивные и девиантные формы поведения: «Ведь не случайно люди создают деструктивные культы, не случайно именно среди тех, кто оказался на обочине цивилизационного прорыва, той самой либеральной модели, расцветают, в частности, такие феномены, как исламский радикализм – все равно творческие, хотя и представляющиеся нам неприемлемыми, идеи. Потому что, если ты не имеешь возможности творчески работать в позитивном русле, жажда духа найдет свой выход в негативе» [111, 201]. Справедливости ради следует отметить, что в среде «золотой молодежи» деструктивное поведение – нередкий гость. Только ее представителей реже наказывают. Да и само наказание часто превращается в реалити-шоу. Вспомним Мару Багдасарян.

Для преодоления всех указанных негативных тенденций В. Р. Соловьев даже готов обратиться к опыту социализма: «Вообще Россия фактически обречена на то, чтобы так или иначе задействовать в своей жизни элементы социализма» [111, 254]. Вот только социализм у него больше похож на государственный капитализм, чем на первую стадию формирования коммунистического общества: «Только государство – и притом сильное государство – может себе позволить существование таких монстров, как Академия наук. Только сильное государство может себе позволить существование бесконечных границ. Только сильное государство может себе позволить вводить дотации, позволяющие сделать относительно комфортной жизнь в суровейших климатических условиях» [111, 255]. Из коммунистического проекта здесь исчезла важнейшая составляющая – реальная демократизация жизни на основе преодоления капиталистического отчуждения труда. Впрочем, самой проблемы, правда, понятой скорее постмодернистски – как отчуждение от труда – В. Р. Соловьев не отрицает: «Это как раз то, о чем забыли либералы, – что человеку недостаточно получать социальное обеспечение. Они забыли, что для человека важна работа» [111, 36–37]. Д. Бенсаид по поводу подобных проектов пишет: «Сегодняшние филантропы, как и те, что давным-давно были высмеяны Марксом, хотели бы получить “современное общество без его опасностей, буржуазию без пролетариата”, биржевые авантюры без безработицы, баснословные прибыли от инвестиций без увольнений и переноса производств. Сегодня, как и вчера, они хотели бы убедить обездоленных в том, что богачи существуют для их же блага» [10, 18–19].

Наш защитник существующей власти замечает: «Мы хотим, чтобы наша элита была меритократической, а не какой-нибудь демократической» [111, 233]. Здесь, конечно, есть большая доля истины: «...голосование по ядерному проекту должно проходить среди профессионалов, которые понимают, о чем идет речь. И для участия в голосовании по налоговой реформе тоже, нравится это нам или нет, требуется определенный уровень образования. И так почти во всем» [111, 234]. Однако необходимость профессионализма принятия решений политическим классом отнюдь не отменяет того, что кратковременные или долговременные цели той или иной реформы должны быть как-то связаны с интересами значительных слоев населения, способного эти цели понять и оценить. Именно это и отличает демократию от олигархии, если рассматривать обе как идеально-типические конструкции. Особенно наглядно отличия проявляются по вопросу борьбы с коррупцией. По мнению В. Р. Соловьева, роль народа здесь должна быть минимальна, бороться с коррупцией чиновников должны сами чиновники: «Как только ты не подчиняешься правилам цветной революции, не борешься с коррупцией путем митингов, а давишь колесами, или судебной системой, или страшными комиссиями тех, кто смеет мыслить иначе, ты покупаешь общественный покой, который принято называть “договором”, всего лишь ценой жирного бутерброда» [111, 87]. Автор данной работы весьма далек от того, чтобы защищать современные «цветные революции», но разве могут чиновники сами искоренить или хотя бы существенно уменьшить коррупцию в своих рядах без «пинка» со стороны народа? Еще Гераклит говорил, что все рождается через борьбу и по необходимости. Да и особого экономического подъема в России за последние годы как-то не видно. Наконец, поли-

тическая история учит нас, что, помимо экономически успешных диктатур и близких к ним жестких моделей (например, управляемой ЛДП Японии 1960–70-х гг.), были и неуспешные.

Однако постановка любой проблемы, как это отмечал еще Ф. Бэкон, требует обратить внимание на различные точки зрения, в том числе противоречащие друг другу. Рассмотрим еще несколько вариантов объяснения современного кризиса. Австрийский этолог Конрад Лоренц видит главную проблему в безудержном развитии урбанизации и конкуренции. В работе «Восемь смертных грехов цивилизованного человечества» (1973 г.) он пишет: «Без сомнения, скученность людских масс в современных больших городах в значительной мере повинна в том, что в этой фантазмагории вечно меняющихся, накладывающихся друг на друга и стирающихся человеческих образов мы не можем больше разглядеть нашего ближнего. Наша любовь к ближнему настолько разбавляется массой этих ближних, притом слишком близких, что в конце концов даже следов ее невозможно обнаружить [78, 10]. В результате наблюдается массовое распространение девиантного и откровенно криминального поведения, с одной стороны, и полного равнодушия – с другой: «...именно в самых больших городах грабежи, убийства и насилия могут происходить среди бела дня на самых оживленных улицах, не вызывая вмешательства “прохожих”» [78, 10]. Скученность вызывает распад социальных связей, агрессию, отчуждение от природы, эстетическое и этическое очерствление, конкуренцию и страх [78, 10–18].

Особую опасность для современной цивилизации, по мнению К. Лоренца, представляют безудержная конкуренция и узкий утилитаризм: «Под давлением соревнования между людьми уже почти забыто все, что хорошо и полезно для человечества в целом и даже для отдельного человека. Подавляющее большинство ныне живущих людей воспринимает как ценность лишь то, что лучше помогает им перегнать своих собратьев в безжалостной конкурентной борьбе. Любое пригодное для этого средство обманчивым образом представляется ценностью само по себе. Гибельное заблуждение утилитаризма можно определить как смешение средства с целью. Деньги в своем первоначальном значении были средством; это еще знает повседневный язык – говорят, например: “У него ведь есть средства”. Много ли, однако, осталось в наши дни людей, вообще способных понять вас, если вы попытаетесь им объяснить, что деньги сами по себе не имеют никакой цены?» [78, 17]. Из-за постоянной спешки и страха люди теряют способность к рефлексии, к тому, чтобы хоть ненадолго остаться с самим собой, страдают от психических нагрузок, часто рано умирают от инфаркта [78, 18–19].

Одновременно наблюдается все больший рост потребностей при стремлении к их немедленному удовлетворению. Это, по мнению К. Лоренца, наносит страшный урон развитию культуры: «Возрастающая нетерпимость к неудовольствию – в сочетании с убыванием притягательной силы удовольствия – ведет к тому, что люди теряют способность вкладывать тяжелый труд в предприятия, сулящие удовольствия лишь через долгое время» [78, 23]. А ведь к таким долговременным предприятиям следует отнести и обучение сложным специальностям, и науку, и «неавангардное» искусство. Более того, даже на бытовом уровне сложные формы культуры, включая семейные, обеспечивающие выделение человечества из царства природы, оказываются под угрозой уничтожения: «Вместе с потерей способности преследовать отдаленную цель исчезают все более тонко дифференцированные формы поведения при уходе и образовании пар – как инстинктивные, так и культурно запрограммированные, то есть не только формы, возникшие в истории вида с целью сохранения парного союза, но и специфически человеческие нормы поведения, выполняющие аналогичные функции в рамках культуры» [78, 23]. Конечным психологическим результатом всеобщего гедонизма, как отмечал еще А. Шопенгауэр (а до него – Будда), становится скука. С этим согласен и Конрад Лоренц: «Все возрастающая в наши дни нетерпимость к неудовольствию превращает возникшие по воле природы вершины и бездны человеческой жизни в искусственно выровненную плоскость, из величественных гребней и провалов волн она делает едва ощутимую зыбь, из света и тени –

однообразную серость. Короче, она создает смертную скуку» [78, 24]. В результате возникает потребность во все новых раздражителях при быстром забвении старых: «Для человека, пораженного этой болезнью культуры, любая принадлежащая ему вещь – пара ботинок, костюм или автомобиль – очень скоро теряет свою привлекательность, точно так же, как возлюбленная, друг или отечество» [78, 25]. А это, в свою очередь, ведет к усилению притягательности девиантных форм поведения для одних при равнодушии и попустительстве других.

Демократия, понятая как попустительство, по мнению К. Лоренца, ведет к разрушению сфер морали и права: «Превратившееся в религиозное убеждение, что все люди рождаются равными и что все нравственные пороки преступника надо относить за счет его воспитателей, которые перед ним грешны, приводит к уничтожению всякого естественного правового чувства, и прежде всего у самого отщепенца; преисполненный жалости к себе, он считает себя жертвой общества» [78, 30]. Особенно опасна такая позиция по отношению к молодежи, у которой она приводит к инфантильному паразитизму: «Человек, у которого не созрели нормы социального поведения, застревает в инфантильном состоянии и неизбежно становится в обществе паразитом. Он ожидает как чего-то само собой разумеющегося, что взрослые будут и дальше о нем заботиться, как будто он ребенок» [78, 30]. При этом, как отмечает К. Лоренц, нарушение морального поведения часто приводит к активной враждебности против добра и порядочности [78, 35]. Особенно это заметно во взаимоотношениях поколений «отцов» и «детей»: «Бунтующая молодежь стремится также как можно дальше отойти от поколения родителей в своих обычаях и нравах; традиционное поведение старших не просто игнорируют, но замечают в малейших деталях и во всем поступают наоборот. В этом состоит, например, одно из объяснений проявления половых излишеств в группах, в которых половая потенция, по-видимому, вообще снизилась. Только тем же усиленным стремлением нарушить родительские запреты можно объяснить случаи, когда бунтующие студенты у всех на глазах мочились и испражнялись – как было в Венском университете» [78, 39].

При этом, согласно К. Лоренцу, молодежный бунт в целом является важным элементом развития человеческой культуры: «Система, состоящая из физиологической неофилии и позднего послушания, содействует сохранению культуры в целом, устраняя явно устаревшие, затрудняющие развитие элементы унаследованной культуры и продолжая при этом поддерживать ее существенную и необходимую структуру» [78, 41]. Но в современном обществе, где семья перестает быть самостоятельной производственной ячейкой, а авторитет учителя все более падает, силы разрушения все чаще начинают преобладать над силами созидания: «Усвоить культурную традицию другого человека можно лишь тогда, когда любишь его до глубины души и при этом ощущаешь его превосходство. И вот, утрашающее большинство молодых людей вырастает теперь без такого “образа отца”. Физический отец слишком часто не годится, а нынешнее массовое производство в школах и университетах не дает уважаемому учителю его заменить» [78, 43].

В целом К. Лоренц совсем не склонен во всем защищать собственное поколение: «В нашей современной западной культуре, с ее скученностью, с ее опустошением природы, с ее слепотой к ценностям и бегом наперегонки с самим собой в погоне за деньгами, с ее ужасающим обеднением чувств и отупением под действием индоткринирования, во всем этом и вправду так много не заслуживающего подражания, что слишком легко забыть о глубокой истине и мудрости, заключенной также и в нашей культуре. Со всевозможными “establishments” молодежь действительно имеет убедительные и разумные причины вести борьбу. Очень трудно, однако, уяснить себе, какую долю среди бунтующих молодых людей – в том числе и студентов – составляют те, кто в самом деле действует по этим мотивам» [78, 43].

Важным разрушительным элементом в развитии современной молодежной (и не только молодежной) культуры, по мнению К. Лоренца, является группизм, выступающий в качестве обратной стороны современной атомизации общества: «Исследователи инстинктов давно уже

знают, с какой неразборчивостью подавленные влечения находят себе выход, выбирая самые неподходящие объекты; но вряд ли можно привести более впечатляющий пример этого, чем те объекты, какие нередко находит жаждающая групповой принадлежности молодежь. Хуже всего – не принадлежать вообще ни к какой группе; лучше уж стать членом самой прискорбной из всех, группы наркоманов» [78, 44].

Наконец, в довершении всего власти и в капиталистическом, и в коммунистическом блоке, как отмечал К. Лоренц, активно старались унифицировать мышление подданных с помощью индоктринирования: «Люди, держащие в своих руках власть в Америке, в Китае и в Советском Союзе, в наши дни вполне сходятся между собой в одном вопросе: по их общему мнению, неограниченная кондиционируемость людей в высшей степени желательна. Их вера в эту псевдодемократическую доктрину – как утверждает Уайли – происходит от желания, чтобы она была верна, ибо сами эти манипуляторы вовсе не какие-то дьявольски хитрые сверхчеловеки, а всего лишь слишком человеческие жертвы собственной бесчеловечной доктрины. Для этой доктрины все специфически человеческое нежелательно; но все рассмотренные в этой работе явления, способствующие потере человечности, ей в высшей степени на руку, ибо они делают массы более удобным объектом манипуляции» [78, 51]. Развитие данной тенденции в условиях резкого усиления мощи СМИ и различных техник манипулирования кажется К. Лоренцу крайне опасным: «Уже и сейчас во многих местах индивид, сознательно уклоняющийся от воздействия средств массовой информации, например телевидения, рассматривается как патологический субъект. Эффекты, уничтожающие индивидуальность, приветствуются всеми, кто хочет манипулировать большими массами людей. Зондирование общественного мнения, рекламная техника и искусно направленная мода помогают крупным капиталистам по эту сторону “железного занавеса” и чиновникам по ту сторону весьма сходным образом держать массы в своей власти» [78, 59].

Стоит отметить, что после развала СССР индоктринирование в России и в мире только усилилось. Так, в современной России многие взрослые люди, вполне неглупые в бытовых вопросах, уверены, что жертвами сталинских репрессий стали десятки миллионов человек. И никакая историческая критика им не указ. А в США многие люди верят, что Д. Трамп избрали президентом благодаря вмешательству Кремля. Надо сказать, консервативная критика Конрада Лоренца бьет нередко не в бровь, а в глаз, однако человечество не может вернуться к крестьянско-ремесленной утопии индустриализирующегося общества, хотя бы в силу своей численности. Человечество обречено двигаться вперед, даже когда движение вперед оформляется (как в Японии эпохи Мэйдзи) как возврат к истокам. Это, конечно, не означает, что движение вперед – всегда прогресс.

Важной вехой в критике современного капитализма стало возникновение мир-системного анализа, связанного в генезисе с именами Фернана Броделя и Иммануэля Валлерстайна, исследовавших историко-географические аспекты мирового неравенства. Согласно И. Валлерстайну, в основе формирования этого неравенства лежали уникальное сцепление исторических обстоятельств и различия в формах эксплуатации и отчуждения труда в разных регионах Европы и мира: «Серией случайностей – исторических, экологических, географических – северо-западная Европа оказалась в XVI в. лучше приспособленной, чем другие части Европы, чтобы разнообразить свою сельскохозяйственную специализацию, добавив к этому и кое-какую промышленность (текстиль, кораблестроение, металлообработку). Северо-западная Европа возникла в качестве сердцевинной зоны этого мира-экономики, специализирующейся на сельскохозяйственном производстве, требующем более высокого уровня квалификации, что способствовало (по причинам, вновь слишком сложным, чтобы объяснять их здесь) развитию аренды и наемного труда как форм контроля над трудом. Восточная Европа и Западное полушарие стали периферийными зонами, специализирующимися на экспорте зерна, драгоценных металлов, дерева, хлопка, сахара – все это благоприятствовало использованию рабства и бар-

щины как форм контроля над трудом. Европейское Средиземноморье стало полупериферийной зоной этого мира-экономики, специализирующейся на дорогой промышленной продукции (например, шелк), кредитной деятельности и транзакциях со специями, что имело своим следствием развитие в сельскохозяйственных районах издольщины как формы контроля над трудом и небольшой экспорт в другие регионы» [20, 37–38]. Важным элементом господства стран ядра мира-экономики был также сложившийся здесь союз капиталистических землевладельцев, купцов и чиновников [20, 40]. Наконец, огромную роль играли прямые военные захваты странами ядра стран расширяющейся периферии или, как минимум, ослабление периферийных государств посредством войн, подрывных действий и дипломатии [20, 41]. Результатом всех этих процессов и стало формирование капиталистической миросистемы.

Однако, включив в себя к началу XX века практически весь мир, капиталистическая миросистема потеряла способность к расширению и оказалась в кризисе, финальная стадия которого началась после развала СССР. Работа И. Валлерстайна «После либерализма» является обобщением его статей, написанных в начале 1990-х, в период гибели СССР и полураспада России, превращения США в главного мирового лидера-жандарма и торжества неолиберальной идеологии. В последнем, правда, сам Валлерстайн сильно сомневался, считая, что крушение СССР и повсеместное ослабление государственности ведут к деградации западного гражданского общества (нет врага – нет идеалов) и скорее маркируют собой конец 200-летней эры либерализма, чем его победу [21, 5–10].

Новую эпоху ослабленной неолиберальными реформами государственности И. Валлерстайн называет эпохой «группизма»: «Мы живем в эпоху «группизма» – образования групп, имеющих защитный характер, каждая из которых стремится к достижению самосознания, на базе которого упрочивается солидарность и борьба за выживание одновременно с борьбой против других таких же групп» [21, 10]. Особенно беспокоит американского автора ситуация в «третьем мире», для которого И. Валлерстайн видит три возможности: или отказ от западных ценностей по образцу Иранской революции, или использование военной силы для укрепления собственных позиций по образцу Хусейна, или индивидуальное переселение граждан на Запад [21, 26–27]. Последний вариант, по мнению И. Валлерстайна (которое вполне подтвердилось), станет наиболее массовым. Какова будет реакция Запада (у И. Валлерстайна – Севера)? «Конечно, со стороны Севера последует (и она уже дает о себе знать) острая социальная реакция – призывы к введению более жесткого социального законодательства, направленного на ограничение социально-политических прав тех, кому удалось туда проникнуть. В результате *de facto* может быть достигнут худший из всех возможных компромиссов: неспособность эффективно предотвратить въезд мигрантов в сочетании со способностью обеспечить им политически неполноценный статус» [21, 38], – пишет американский аналитик.

Позиция, связывающая отсталость периферии с негативным влиянием ядра капиталистической миросистемы, была подвергнута косвенной критике со стороны защитников неолиберального капитализма Дарона Аджемоглу и Джеймса А. Робинсона, считающих, что современные проблемы, и прежде всего проблемы «развивающихся» стран, связаны с плохим управлением, с коррупцией и отсутствием демократии: «Неважно, идет ли речь о Северной Корее, Сьерра-Леоне или Зимбабве, – мы покажем, что все бедные страны бедны по тем же причинам, что и Египет. А такие страны, как США и Великобритания, стали богатыми потому, что их граждане свергли элиту, которая контролировала власть, и создали общество, в котором политическая власть распределена более равномерно, правительство подотчетно гражданам и реагирует на их требования, а экономические стимулы и возможность разбогатеть есть у широких слоев населения» [1, 12]. Следует, однако, заметить, что в той же Англии после Славной революции политические права получили лишь 4 % населения из числа наиболее состоятельных граждан. Сами Д. Аджемоглу и Дж. А. Робинсон выделяют инклюзивные и экстрактивные политические и экономические институты. Первые достаточно плюралистические и одно-

временно централизованные (мы бы назвали их рыночно-демократическими), поэтому они способствуют экономическому росту и развитию общества. Вторые концентрируют огромную власть и доходы в руках узкой группы (их следовало бы назвать олигархическими), поэтому порождают конфликты и, в конечном счете, ведут к застою и упадку общества и государства [1, 94].

Конечно, как отмечал еще П. Абеляр, в любом учении и в любом принципиальном споре есть некая доля истины, в чем легко убедиться, взглянув на нашу экстрактивную олигархию. Трудно найти вторую такую страну, где 1 % населения контролирует более 70 % собственности. Но в целом искусственность, политическую ангажированность и антиисторичность данной конструкции зарубежных авторов видно сразу. Так, политические и экономические институты СССР данные авторы считают в высшей степени экстрактивными, хотя любой нормальный трудящийся гражданин, успевший повзрослеть еще в советское время, мог бы сказать, что настоящая олигархия возникла именно в постсоветском пространстве. И здесь сама собой напрашивается мысль, что выход из сложившейся ситуации (во всяком случае, в России) следует искать не столько в плюрализации собственности, сколько в ее обобществлении. Говорить о плюралистичности той же Южной Кореи или Сингапура второй половины 1970-х годов, несмотря на успехи рыночной экономики, вообще не приходится. Да и современные США отличаются высокой степенью олигархичности и в политике, и в экономике, к тому же конфликтов там сейчас более чем достаточно. При этом среди альтернативных гипотез, которые рассматривают Д. Аджемоглу и Дж. А. Робинсон, мир-системный анализ вообще не упоминается.

Но особенно наглядно ангажированность данных авторов проявляется при выявлении ими исторических причин отсталости черной Африки, где главная роль отводится работорговле, а главными и практически единственными виновными называются африканские царьки: «В большинстве африканских стран существенная прибыль, которую приносила работорговля, приводила не только к увеличению ее масштабов и к тому, что права собственности защищались все хуже, но и к постоянным военным конфликтам и, следовательно, разрушению даже тех немногих институтов, что еще работали. В течение нескольких веков любой процесс централизации государства всегда рано или поздно поворачивал вспять, и в конечном счете попытки многих африканских стран построить централизованное государство так и остались безуспешными. Хотя иногда на почве эксплуатации выгодной работорговли в Африке все же появлялись сильные государственные образования, их власть была основана на вооруженном насилии и грабеже» [1, 133–134]. При этом Д. Аджемоглу и Дж. А. Робинсон считают, что большинство эпизодов военного вмешательства европейцев в африканские дела происходило под предлогом борьбы с рабством [1, 289].

Впрочем, даже если оставить в стороне «огромные прибыли» африканских царьков, которым платили за рабов стеклянными бусами, ромом, яркими тканями и т. п., то в любой торговле помимо продавца есть еще покупатель. А покупателями в африканской работорговле были как раз западные купцы из «инклюзивных» либеральных стран. В этом отношении значительно более историчным выглядит взгляд на развитие африканской работорговли того же И. Валлерстайна: «Рабов покупали по низкой непосредственной цене (цена производства предметов, которые давали в обмен за них) при отсутствии обычных скрытых издержек. То есть тот факт, что увоз человека из Западной Африки понижал производительный потенциал региона, обладал нулевой стоимостью для европейского мира-экономики, поскольку район не охватывался его системой разделения труда. Конечно, если бы работорговля полностью лишила Африку всех возможностей для дальнейших поставок рабов, тогда Европа столкнулась бы с реальными издержками. Но исторически до этого дело никогда не доходило. Но как только Африка стала частью периферии, реальная стоимость рабства в терминах производства прибавочного продукта в мир-экономике выросла до такого размера, что стало гораздо дешевле использовать наемный труд, даже на сахарных и хлопковых плантациях, что и произошло в

XIX веке в Карибском бассейне и в других регионах использования рабского труда» [20, 48–49]. Никакой либеральной романтики борьбы с рабством, чисто бизнес. Рабы в большом количестве погибали во время транспортировки через океан, эксплуатировать их на месте в качестве работников на африканских плантациях оказалось дешевле.

Надо сказать, что далеко не все защитники современного либерального капитализма столь откровенно политически ангажированы, как Д. Аджемоглу и Дж. А. Робинсон. Так, известный маркетолог Ф. Котлер пишет: «Мы должны использовать инструменты планирования, внедрения, мониторинга и контроля социального маркетинга. Цель социального маркетинга – изменить или поддержать модели поведения, которые приносят пользу людям и обществу» [73, 38]. Правда, и у него проблемы африканских стран связаны не с колониализмом или разделением труда и доходов в миросистеме, а с господством там диктаторских режимов, преобладанием однопартийных систем и «социалистических» (?) экономик [73, 31]. Сам Ф. Котлер вслед за П. Кольером предлагает использовать для помощи самым бедным странам различные инструменты: от международных льгот до военного (?) вмешательства [73, 33]. Одним из способов сокращения бедности, по его мнению, может стать сокращение числа детей в бедных семьях, вплоть до проводимой до недавнего времени в Китае политики «одна семья – один ребенок» [73, 28–29]. Однако, как показывает опыт России, такое сокращение далеко не всегда приводит к уменьшению бедности, вдобавок проблемы нередко просто откладываются на будущее, когда состарится экономически активное поколение.

По мнению Ф. Котлера, растущее неравенство в доходах и высокая безработица среди молодежи могут привести к серьезным классовым конфликтам и в развитых странах. С целью предотвращения этих конфликтов Ф. Котлер предлагает в качестве мер по смягчению социальных конфликтов повышение минимальной зарплаты, введение прогрессивного налогообложения, ликвидацию оффшорных зон, сокращение доли зарплаты руководителей по отношению к зарплате рабочих, ликвидацию налоговых лазеек для богатых, улучшение системы социального обеспечения, создание системы оплачиваемых отпусков и праздников (что особенно актуально для США – С. Б.) [73, 54–67, 91]. Однако сам же он замечает, что те же американские партии существуют на деньги богачей, а богатые в большинстве своем не хотят платить высокие налоги [73, 61–62]. Будучи капиталистическим оптимистом, Ф. Котлер пишет, что новые технологии приводят к исчезновению одних профессий и появлению других, но тут же добавляет, что группа постоянных безработных продолжает расти, а новые рабочие места появляются по большей части в низкооплачиваемых сферах: в розничной торговле, в сетях быстрого питания, в различных сферах временной деятельности (без социальных пособий), в низкооплачиваемой сфере обслуживания [73, 107–109]. К недостаткам современного капитализма американский маркетолог, по учебникам которого учились рекламные специалисты всего мира, относит также засилье рекламы и всеобщую зависть к материальному благополучию соседей [73, 247].

Следует также отметить, что не все представители мир-системного анализа являются противниками современного либерального капитализма. Взять, например, сына и внука швейцарских банкиров итальянского экономиста Джованни Арриги, по мнению которого основная особенность развития капиталистической миросистемы состоит в чередовании эпох материальной экспансии (то есть роста производства) с фазами финансового возрождения и экспансии. Именно в такую фазу и вступил с 1970–1980-х годов американский капитализм [5, 44]. При этом итальянский экономист отмечает: «Всякий раз, когда мировые процессы накопления капитала для данного времени достигали своих пределов, наступали продолжительные периоды межгосударственной борьбы, в течение которых государства, контролировавшие или готовые установить контроль над наиболее важными источниками избыточного капитала, стремились также приобрести организационные возможности, необходимые для продвижения, организации и регулирования новой фазы капиталистической экспансии, еще более масштаб-

ной и широкой, чем прежде» [5, 54]. Похоже, что сегодня мы живем как раз в начале такого периода нестабильности. Дело, однако, осложняется тем, что ныне капиталистическая система охватила практически весь мир, расширяться почти что некуда.

Новая эпоха, с одной стороны, характеризуется все большей поляризацией миросистемы. Дж. Арриги относительно ситуации 1980-х годов отмечает: «Американское соперничество за мобильный капитал на мировых денежных рынках для финансирования “второй холодной войны” и “покупки” голосов избирателей внутри страны при помощи снижения налогов привело к внезапному прекращению притока средств в страны “третьего” и “второго” мира и резкому сокращению мировой покупательной способности» [5, 63]. С другой стороны, появились новые центры накопления капитала в лице Японии и менее крупных восточно-азиатских государств [5, 55]. При этом тот же японский капитал осуществлял финансирование экономики США, извлекая из этого весьма незначительные выгоды [5, 59]. По мнению Дж. Арриги, это связано с тем, что в условиях системного кризиса США превратились в международного полицейского, в силу по поддержанию порядка [5, 72].

Американская мировая гегемония, по сравнению с предшествовавшей британской, по мнению Дж. Арриги, в политическом плане изначально была значительно жестче: «По сравнению с фритредерским империализмом институты американской гегемонии существенно ограничивали права и возможности суверенных государств выстраивать свои отношения с другими государствами и собственными подданными, как они считали нужными» [5, 113]. Одновременно важнейшим отличием эры США стал также резкий рост числа и влияния транснациональных компаний. В результате, согласно Дж. Арриги, международный капитал подчинил себе государство: «К 1970 году, когда наступил кризис американской гегемонии, воплощенной в порядке “холодной войны”, транснациональные компании создали мировую систему производства, обмена и накопления, не подчинявшуюся ни одному государству и способную подчинить своим “законам” любого члена межгосударственной системы, включая Соединенные Штаты» [5, 120]. При этом данные процессы вряд ли следует рассматривать как победу предпринимательства над бюрократией. Как отмечает сам Дж. Арриги, американские вертикально интегрированные компании были изначально высоко бюрократизированными структурами, и с расширением сферы их влияния роль бюрократии только росла [5, 313].

В конце XX века, согласно Дж. Арриги, в мире возникла ситуация системного хаоса: «Целые общества, страны и даже континенты, как в случае с Африкой южнее Сахары, объявлены “избыточными”, ненужными для меняющейся экономики накопления капитала в мировом масштабе. В сочетании с крахом мирового могущества и территориальной империи Советского Союза исключение этих “избыточных” обществ из мировой системы снабжения вызвало множество проявлений вражды, зачастую сопряженных с насилием, по поводу того, “кто кого избыточней”, или – еще проще – по поводу присвоения ресурсов, ставших редкими вследствие этого исключения» [5, 416]. Как показывает современный российско-украинский конфликт, дело отнюдь не ограничилось только Африкой.

Одновременно происходило значительное усиление новых финансовых центров в Восточной Азии, прежде всего в Японии, что, по мнению Дж. Арриги, стало для США мощным стимулом к формированию структур надгосударственного мирового правительства [5, 425]. При этом сам японский бизнес еще с 1960-х годов стал посредником между американским платежеспособным спросом и дешевой азиатской рабочей силой [5, 429]. После кризиса перекапления конца 1960-х – начала 1970-х японский капитал встал на путь транснациональной экспансии, что способствовало распространению по всему миру разработанной в Японии многослойной системы субподрядов. В японском варианте эта система не только связывала крупные, средние и мелкие компании в рамках определенной сферы производства, но и распространялась на сферу сбыта [5, 431–432]. Одним из результатов использования данной системы стало сегментирование рынка рабочей силы, что в соединении с использованием более деше-

вой рабочей силы ряда стран Восточной Азии резко усилило классовые позиции капитала в мире [5, 432–433].

В будущем Дж. Арриги видит несколько возможных вариантов развития: усиление глобальной конкуренции финансовых центров Востока и Запада; возврат западной гегемонии через формирование глобальной империи; занятие восточноазиатским капиталом ведущих позиций в системных процессах накопления капитала; отмирание капитализма («противорынка») вместе с государственной властью и возвращение рыночной экономики к некоему анархическому порядку; гибель человечества в новой мировой войне [5, 446–448]. Характерно, что среди этих вариантов не упоминается переход к более высокому способу производства. Видимо, никакого более высокого способа производства, чем капитализм, Дж. Арриги не представляет.

На наш взгляд, структурная модель современной миросистемы, предложенная Дж. Арриги, достаточно верна, но за двумя исключениями, касающимися стран полупериферии. С конца XX века происходит резкое экономическое и военно-политическое усиление Китая, а с начала XXI века сходные процессы, хотя и более слабые, наблюдаются и в России. В результате правящие олигархические элиты этих стран стали все более тяготиться всеобъемлющей американской гегемонией. Особенно болезненно эта гегемония стала восприниматься в России, где с влиянием США не без оснований связывали экономический развал и социальную катастрофу 1990-х. Китайская элита (коммунистическая, скорее, по названию) тем временем стала создавать параллельную экономическую периферию из оставленных мировым бизнесом «без внимания» стран Африки и Средней Азии. С другой стороны, в правящей элите США усилилось стремление наказать «строптивых». Среди способов наказания видное место заняли поддержка сепаратизма в Китае и русофобии в странах бывшего СССР. Миросистема стала еще более нестабильной и непредсказуемой.

Впрочем, не стоит исключать и такого сценария, что именно эта нестабильность может стать в России и в КНР толчком к коммунистической революции. Д. Бенсаид писал: «В отличие от религиозного чуда, возникающего из ничего или из чистой воли божества, у революций есть свои причины. Но революции происходят там и тогда, где и когда их не ждут. Всегда несвоевременные и вечно приходящие на встречу не вовремя, они удивляют и поражают» [10, 68]. Война – один из главных двигателей революционного процесса. Но какой ценой это происходит! Д. Бенсаид отмечает: «Как из франко-германской войны возникла революция Коммуны, из Первой мировой войны возникла Октябрьская революция, а из Второй мировой – китайская, греческая, вьетнамская, югославская революции... Но какой ценой! Они возникнут на ужасающей горе руин и трупов, груз которых будет все сильнее давить на жизнь и сознание живущих (или выживших)» [10, 75]. Не лучше ли революция без войны, точнее, революция вместо войны?

Сходную с нарисованной Дж. Арриги структурой миросистемы описывают и американские авторы Майкл Хардт и Антонио Негри, делающие, однако, куда более радикальные выводы. По их мнению, в современном мире появилась «сетевая власть» как новая форма суверенитета, в качестве основных компонентов которой выступают ведущие национальные государства и наднациональные институты, крупнейшие капиталистические корпорации и другие силы [129, 2]. Эту глобальную структуру данные авторы называют Империей, которая, по их мнению, правит, используя как многочисленные конфликты (частью специально провоцируемые), так и процессы глобализации [129, 4]. Соединенные Штаты выступают в данной системе в роли глобального полицейского: «Страной, ограничивающей правовые гарантии и свободы населения и суверенитет других национальных государств, выступают США, что подрывает и их собственную республиканскую традицию» [129, с. 21]. Орудием контроля становится перманентная глобальная гражданская война, идеологически оформленная как священная борьба с терроризмом, что позволяет вести ее чрезвычайно долго, устанавливая внутри отдельных

стран контроль, близкий к тотальному [129, 13–31]. Общий порядок на основе ползучего хаоса поддерживается также угрозами геноцида и ядерной катастрофы, «строительством наций» в таких оккупированных странах, как Ирак или Афганистан, периодическими военно-полицейскими акциями устрашения и осуществлением Соединенными Штатами и международными судами наднациональной юрисдикции на основе концепции «преступлений против человечности» [129, 33–47]. Законным и нравственным считается то, что соответствует интересам глобального имперского порядка [129, 48]. Мы сейчас хорошо можем это видеть на примере международного суда над участниками межнациональной войны в Югославии, когда из руководителей судят и осуждают практически одних только сербов, да и на примере мощной антироссийской компании в СМИ тоже. Новую олигархическую всемирную сверхвласть Майкл Хардт и Антонио Негри называют биовластью. При этом глобальной буржуазии все более противостоит глобализирующееся общество, называемое американскими авторами множеством: «В противоположность буржуазии и всем прочим привилегированным, ограниченным классовым образованиям, множество способно формировать общество самостоятельно: как мы убеждаемся, это – главное с точки зрения возможностей прогресса демократии» [129, 9].

По мнению М. Хардта и А. Негри, новый имперский порядок не может быть ни устойчивым, ни легитимным: «Когда вслед за упадком монополии на легитимное применение силы сокращаются суверенные функции национальных государств, конфликты начинают множиться, прикрываясь бесконечной чередой эмблем, идеологий, религий, требований и идентичностей» [129, 50]. Нам данная ситуация может быть очень даже понятна на примере Украины. Когда и российской, и украинской власти выгодно лепить из соседа образ врага для поддержания внутренней стабильности и формирования пресловутой «национальной идентичности» (что на Украине выглядит особенно гротескно), конфликт в Донбассе рискует превратиться в почти что вечный.

Внутри общества политическая неустойчивость дополняется касающейся почти каждого работающего неустойчивостью рынка труда, выгодной работодателям, но порождающей все большее отчуждение для рабочих: «... в силу контрактных условий и принципов вознаграждения за нематериальный труд, которые имеют тенденцию к распространению на весь трудовой рынок, положение труда в целом становится менее прочным. В различных формах нематериального труда есть, например, тенденция к размыванию различий между рабочим и нерабочим временем, вследствие чего рабочий день беспредельно увеличивается и заполняет всю жизнь. Еще одна его черта сводится к тому, что нематериальный труд осуществляется без прочных долговременных контрактов и тем самым оказывается в рискованной ситуации обретения повышенной гибкости (для выполнения одновременно нескольких задач) и мобильности (для постоянного перемещения между различными местами работы)» [129, 90].

Одно дело – признавать наличие всемирной олигархической Империи, другое – разрабатывать методы борьбы с ней. Как считают М. Хардт и А. Негри, для такой борьбы лучшим образом подходят методы многоцелевой и полиформной партизанской войны: «Методы партизанской войны стали приспосабливаться к новым условиям производства по завершении эры фордизма благодаря появлению информационных систем и сетевых структур. Наконец, по мере того, как партизанская война воспринимала черты биополитического производства и распространялась по всем тканям общества, она стала непосредственно выдвигать в качестве своей цели производство субъективного начала, причем имеющего черты экономические и культурные, материальные и нематериальные» [129, 108]. Характерные для постфордизма сети информации, коммуникации и сотрудничества выступают и в качестве важнейших каналов новой партизанской войны [129, 110]. Главные ценности сетевой борьбы опять же отражают в чем-то ценностный мир работников нематериальной сферы постфордизма: это креативность, коммуникация и сотрудничество [129, 111].

Правда, сами американские авторы, поддерживая различные автономные протестные движения (например, феминисток, геев и лесбиянок), стремятся всячески отмежеваться от марксизма: «Сегодня можно опять выдвигать проблему того, как потребности пролетариата способны оправдать новые формы власти. Если перевести это на несколько иной язык, вопрос прозвучит так: как трансформировать классовую борьбу в социальную войну или, опять-таки выразившись по иному, как можно использовать империалистическую войну для перехода к войне революционной. Но сейчас ясно, что делать это – значит снова пережевывать сюжеты, которые давно устарели, изношены и поблекли» [129, 119].

Однако, на наш взгляд, если вы, собираясь бороться с капиталистической империей, не идете к марксизму, он сам придет к вам. Д. Бенсаид пишет: «Современное общество усложняет противоречия и умножает различия в классе, роде, культуре, возрасте, происхождении... И хотя они не сводятся друг к другу, все они обусловлены системным господством капитала. Вот почему, не отрицая их специфики, классовая борьба, выходящая за пределы отдельных епархий и междусобойчиков, может послужить и поводом для объединения» [10, 50]. Говоря о современном рынке труда (а именно это, а отнюдь не проблемы геев и лесбиянок, напрямую касается большинства населения), Майкл Хардт и Антонио Негри отмечают: «То, что называют гибкостью рынка труда, подразумевает: никакая работа не является гарантированной. Нет четкого деления, а взамен появилась серая зона, в которой кое-как – между занятостью и безработицей – перебиваются все работающие» [129, 168]. Нематериальный труд под властью капитала так же подвержен эксплуатации, как и труд материальный [129, 187]. При этом сам нематериальный труд, в противовес прибыли, все более становится общественным: «Производство идей, образов и знаний не только совершается совместно – никто, в сущности, в одиночку не думает, всякая мысль создается сообща, в контакте с прошлыми и нынешними размышлениями прочих людей – но, кроме того, всякая новая идея или новый образ требуют новых возможностей совместного творчества и их обеспечивают» [129, 185]. Короче, пролетарии умственного труда, объединяйтесь! В том числе и с пролетариями физического труда.

Так в чем же сущность кризиса современной цивилизации? Для ответа на этот вопрос, думается, следует обратиться к тому, что на протяжении веков подспудно или открыто признавалось главной проблемой философии – к проблеме смысла человеческой жизни. И тогда в свете всего сказанного и в качестве некоего обобщения главной проблемой современности становится не отсутствие «демократии», не усиление глобального неравенства в миросистеме, а капиталистическое отчуждение труда, касающееся подавляющего большинства населения Земли. Советский философ Э. В. Ильенков отмечал: «Отчуждение (*Entfremdung*) – это не локальная проблема какой-либо одной страны или ряда стран, которая перестает быть проблемой, как только мы пересечем государственную границу этих стран. Это всемирно-историческая проблема, практически еще мировой историей не разрешенная» [49, 256]. А все остальные проблемы: отсутствие реальной демократии, мир-системное неравенство, упадок образования, свертывание «социального государства», сциентизация науки, разрушение и дегуманизация искусства, рост политической нестабильности, – являются производными. Показать, как это происходит – и есть главный сюжет нашей работы.

В политических спектаклях обычный человек участвует раз или два в четыре года, а на работу ходит пять или шесть дней в неделю. Однако надо отметить, что именно политика в соединении с экономикой являются наиболее динамичными сферами социальной жизни. Поэтому сочинение, посвященное проблеме отчуждения труда, не может не быть политически ангажированным. Чтобы данная ангажированность не мешала некоторой требуемой от науки объективности, мы стараемся приводить различные точки зрения, в том числе и активных противников коммунизма и марксизма. Читатель волен выбирать. Для облегчения данной задачи в работе в подавляющем большинстве случаев цитируется литература, имеющаяся на русском языке. Из проблем, связанных с исследованием влияния отчуждения труда на

развитие кризисных процессов в современной цивилизации, особое внимание уделяется становлению и кризису общества потребления, росту социальной и внешнеполитической нестабильности, кризису образования, науки и искусства. Специальный (хотя и небольшой) раздел посвящен советскому обществу. Это общество иногда называют обществом мутантного социализма, возникшего еще до появления пригодной для социализма материально-технической базы [15, 291]. Однако, во-первых, следует отметить, что все переходные формы неизбежно являются мутантными. Во-вторых, первичные переходные формы, как правило, возникают раньше, чем появляется материальная база, характерная для классических форм нового способа производства. Достаточно вспомнить итальянское Возрождение, начавшееся за четыреста с лишним лет до английской промышленной революции. Но разве от этого Возрождение перестало быть Возрождением, давшим миру образцы культуры, актуальные до сих пор? Такие эпохи, как итальянское Возрождение или советский коммунизм, и в своих достижениях, и в своих провалах как раз и являются образцами, требующими серьезного анализа и уважения. Они будят воображение своими идеалами, не позволяя миру уснуть под проводимым олигархией гипнозом «конца истории».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.